

Борунов А. Б. Сквозные образы как циклообразующие скрепы «фандоринского корпуса»: концепт правителя / А. Б. Борунов // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 123—132. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-123-132.

Borunov, A. B. (2020). Cross-Cutting Images as Cyclo-Forming Foundations of the “Fandorin Corps”: Concept of a Ruler. *Nauchnyi dialog*, 12: 123-132. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-123-132. (In Russ.).

УДК 821.161.1Акунин.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-123-132

СКВОЗНЫЕ ОБРАЗЫ КАК ЦИКЛООБРАЗУЮЩИЕ СКРЕПЫ «ФАНДОРИНСКОГО КОРПУСА»: КОНЦЕПТ ПРАВИТЕЛЯ

© **Борунов Артем Борисович (2020)**, orcid.org/0000-0003-2507-7218, кандидат филологических наук, преподаватель, кафедра методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Москва, Россия), borunov.artem@yandex.ru.

Рассматривается образ царя как сквозной циклообразующий в фандоринском корпусе Бориса Акунина. Представлены результаты сопоставительного анализа образов трех императоров, со временем правления которых хронологически совпадает активная деятельность Фандорина. Автор останавливается на сопоставлении образов императоров с образами царей в «Детской книге для мальчиков» и образами революционеров, будущих лидеров Советской России, в повести «Куда ж нам плыть?». Уделяется внимание подчеркиваемому несоответствию: выведенные в текстах правители отнюдь не царственны, их внешность и манеры описаны отталкивающе, применяются уничижительные сравнения. Поднимается вопрос о противопоставлении такой трактовки образа царя альтернативному варианту: значимому отсутствию царя как персонажа либо описанию человека, которому только суждено стать царем в будущем. Новизна исследования видится в том, что автор характеризует циклообразующие мотивы и их раскрытие в текстах об Эрасте Фандорине, привлекая не только образцы детективного жанра, но и тексты-спутники. Актуальность исследования обусловлена комплексным анализом обширного корпуса текстов и выделением сквозных архетипических образов.

Ключевые слова: Акунин; цикл; архетип; циклообразующие мотивы; образ царя; архетип правителя.

1. Введение

«Фандоринский корпус», к которому следует отнести совокупность прозаических, драматических и стихотворных произведений, написанных Б. Акуниным и посвященных Эрасту Фандорину, характеризуется рядом сквозных персонажей, действующих в большинстве текстов. При этом единственным «стопроцентно» сквозным персонажем является сам Фандорин, чья личность и является «точкой сборки» данного корпуса текстов. Начиная с романа «Смерть Ахиллеса» в фандоринском корпусе присутствует Масахиро Сибата — вассал и друг Эраста Петровича Фандорина.

Многочисленные исследования, посвященные специфике детективов об Эрасте Фандорине, как правило, затрагивают вопрос о постмодернистских связях текстов с другими детективами [Бобкова, 2010; Герейханова, 2017, с. 182—189], об общей стратегии взаимодействия текстов Акунина с текстами классической лите-

ратуры и его игре с читателем [Волкова, 2007; Головачева, 2016; Казачкова, 2015; Кириленко, 2016; Снигирева и др., 2017].

По нашей гипотезе, к числу сквозных образов фандоринского корпуса можно отнести архетипический образ царя / правителя — главы государства. Хронологически фандоринский корпус охватывает период с 1876 года (время действия романа «Азазель») по 1925 год (время действия романа «Просто Маса») — то есть практически 50 лет. За этот период Россией правили Александр II (выведенный в романе «Турецкий гамбит»), Александр III (не изображаемый в фандоринском корпусе), Николай II (выведенный в романе «Коронация»), Ленин и Сталин (образы присутствуют в повести «Куда ж нам плыть?»).

Действие детективных романов «Смерть Ахиллеса» и «Статский советник», повестей «Пиковый валет», «Декоратор» и «Долина мечты» и рассказов «Сигумо», «Table-talk 1882 года», «Из жизни щепок», «Нефритовые четки», «Скарпея Баскаковых», «Одна десятая процента» и «Чаепитие в Бристоле» хронологически совпадает со временем правления Александра III (1881—1894). В соответствии с сюжетом указанных произведений, Фандорин пребывает, главным образом, в Москве до 1891 года («Статский советник»), и с царем не пересекается физически — он расследует дела об убийцах и мошенниках Москвы, а в повести «Декоратор» из-за появления в Москве Джека Потрошителя срывается высочайший визит — царь не приезжает в Москву. В 1891 году, по результатам расследования деятельности Боевой Группы, Фандорин оказывается в немилоści и уезжает за границу, и действие «Чаепития в Бристоле» происходит в Великобритании, а «Долины мечты» — в США. Далее Фандорина привлекают к расследованию перед коронацией Николая II — в романе «Коронация». В связи с этим образ Александра III представляет скорее «значимое отсутствие» царя, коррелирующее с общим представлением архетипа правителя в фандоринском корпусе.

2. «Царь не настоящий»: образы Александра II и Николая II в текстах об Эрасте Фандорине

При постоянно упоминаемой в фандоринском корпусе близости Фандорина к правящим кругам и важности того, что он делает, для России, личная встреча с царем происходит в жизни Эраста Петровича всего дважды: это диалог с Александром II в «Турецком гамбите» и тесное общение с семьей Николая II в «Коронации». В «Турецком гамбите» царь показан глазами Варвары Суворовой, которая видит в нем отнюдь не царские черты:

Наблюдение первое: да он совсем старик! Набрякшие веки, бакенбарды и подкрученные усы с сильной проседью, пальцы узловатые, подагрические. Да ведь и то — в следующем году шестьдесят. Почти бабушкин ровесник.

Наблюдение второе: не такой добрый, как пишут в газетах. Скорее, равнодушный, усталый. Все на свете повидал, ничему не удивится, ничему особенно не обрадуется.

Наблюдение третье, самое интересное: несмотря на возраст и порфириность, равнодушен к женскому полу. А иначе зачем, ваше величество, по груди и

талии взглядом рыскать? Видно, правду говорят про него и княжну Долгорукову, которая вдвое моложе. И Варя окончательно перестала бояться Царя-Освободителя [Акунин, 2005, с. 266].

В кратком описании царя внимание привлекается к его «не-царственным» чертам: глазами Варвары описан похотливый старик, не вызывающий в ней ни трепета, ни уважения. Упомянуто о его морганатическом браке и слабом здоровье, что также воссоздает образ не самодержца, а человека.

В «Коронации» Николай II выглядит еще менее царственным, чем его дед в «Турецком гамбите»: постоянно упоминается о неуважении к нему со стороны дядей — братьев Александра III, непочтительно и грубо разговаривающих с племянником, несмотря на то, что последний является императором. В конце романа рассказчик Афанасий Зюкин, испытывающий трепет перед царской семьей и уважающий каждого ее представителя, тем не менее, думает о следующем: *Рядом с высокими, осанистыми дядями его величество смотрелся совсем неимпозантно, словно шотландский пони среди чистокровных скакунов. Поистине неисповедим промысел Божий, подумал я. Из всех Романовых Господь зачем-то избрал именно этого, чтобы возложить на его некрепкие плечи тяжкое бремя ответственности за судьбу монархии* [Акунин, 2006, с. 439]. В сюжете романа постоянно акцентируется не только слабость и нерешительность Николая II как правителя, но и многочисленные его ошибки во взаимодействии с народом: так, Афанасий Зюкин отрицательно оценивает реакцию царя на Ходынскую катастрофу, подробно распространяется о его взаимодействии со Снежневской — балериной, в которую Николай был влюблен, и пр. Иными словами, обе встречи с императорами, описанные в фандоринском корпусе, формируют впечатление об императоре как о не очень подходящем для роли правителя человеке.

Интересно в этом контексте значимое отсутствие в фандоринском корпусе Александра III — императора, который, по суждению И. В. Зимина [Зимин, 2016], как раз производил наиболее величественное впечатление из всех описываемых в фандоринском корпусе — крупный, рослый, физически чрезвычайно сильный Александр III вряд ли мог произвести на собеседника впечатление «недо-царя».

Следует отметить, что Ленин и Сталин, эпизодически выведенные в повести «Куда ж нам плыть?», также не производят впечатление сильных лидеров: Фандорин застаёт их в дешевом кабаке в Кракове в момент празднования Нового года, описаны их насмешки и пошловатые шутки:

— Ну его к чегту, ваш двенадцатый. Год был говёный, на гадость бугжуэзии. Лично я символически пойду пговожу его в отхожем месте.

— Володя! — укоризненно воскликнула одутловатая дама, но остальные расхохотались, а Володя, он же Ильич (Владимир Ильич?) с шутовской раскачкой направился в сторону коридора [Акунин, 2006, с. 408].

Сталин, названный в тексте по имени, практически не описан, однако к нему и к Ленину Фандорин обращается на правах лидера, угрожая сдать их полиции. Иными словами, в тексте выведены все лидеры государства за более чем 50 лет, однако лишь тот один из них, который, по свидетельству современников, обладал

и твердым характером, и внушительным видом, тщательно обойден вниманием автора — а с ним и читателей.

Вероятно, этому есть несколько причин. Во-первых, архетипический образ частного детектива, сыщика, наследующий образам Шерлока Холмса, Эркюля Пуаро, мисс Марпл [Алексеев, 2017] и прочим, предполагает некоторую противопоставленность официальным властям, в частности полиции. В текстах Акунина подчеркивается неразрывная связанность стражей порядка с властью, их постоянная оглядка на своих начальников, все выше и выше, вплоть до самого Императора, который если и не появляется лично, то незримо присутствует. Расследования Фандорина, хотя и призваны охранить власть и всю Россию от страшных преступлений, в то же время подразумевают, что истинным лидером, спасителем и избавителем от зла является не помазанник Божий, а сам Эраст Петрович.

Во-вторых, тексты фандоринского корпуса глубоко связаны с российской историей и отличаются тщательной проработкой исторического фона. Концепт «ненастоящего царя» глубоко укоренен в сознании русского человека: из-за этого возникают и многочисленные цари-самозванцы, и слухи о подмене наследника. Парадоксальным образом наиболее жесткой и властной манерой правления отличались именно те самодержцы, которые в принципе не должны были оказаться на престоле — Николай I (чей легендарный «взгляд василиска» упоминается практически во всех текстах Акунина, где фигурирует образ императора) стал императором после отречения старшего брата Константина, Александр III первоначально не был предполагаемым наследником престола, и лишь после трагической ранней смерти его старшего брата Николая Александровича стал основным претендентом на престол.

Для углубления образа «ненастоящего царя» целесообразным представляется обратиться к «спутнику» фандоринского корпуса — книге «Детская книга для мальчиков», главный герой которой, правнук и тезка Эраста Фандорина, используя путешествия во времени, оказывается в 1605 году, знаковым для российской истории: это год гибели Бориса Годунова и воцарения Лжедмитрия.

3. Образ царя в «Детской книге для мальчиков» как углубление концепта правителя в фандоринском корпусе

По сюжету «Детской книги для мальчиков», Эраст Фандорин-младший (Ластик) оказывается в начале XVII столетия, и его глазами показаны три человека, каждый из которых был царем: это Борис Годунов, Лжедмитрий I и Василий Шуйский. В книге показан период от момента смерти Годунова до смерти Лжедмитрия — о том, что Шуйский станет царем, Ластик узнает из взятого им с собой электронного справочника — унибука.

Борис Годунов описан так: *низенький, животастый, лоб в глубоченных морщинах, лицо опухшее, заплывшие глазки так и шныряют туда-сюда, а мясистые, унизанные перстнями пальцы, что сжимают посох, все время шевелятся, будто червяки* [Акунин, 2020, с. 234]. Увидев Ластика, которого выдают за нетленного царевича Димитрия, Годунов рыдает и молится, а когда притворившийся мертвым мальчик хихает и тем самым выдает себя, Годунов от потрясения умирает на месте,

передавая власть Ластик: «Пусть правит чудесно воскресшее дитя и пусть рассеются враги Русской земли!» [Акунин, 2020, с. 244]. То есть, если следовать воле умирающего Годунова (который и сам узурпировал власть, не имея на нее законного права), далее на протяжении всех событий, происходящих в 1605—1606 годах, истинным царем является правнук Фандорина (что коррелирует с образом Фандорина-старшего как спасителя державы — не случайно его верный вассал Масахино постоянно подчеркивает, что господин спасает Россию).

Лжедмитрий же, в котором Ластик также не обнаруживает ничего царственного (ничего особенно царственного в облике Дмитрия не было, скорее наоборот. Вместо величавости — быстрые, ловкие движения, свободная, даже небрежная манера держаться [Акунин, 2020, с. 299]), оказывается и вовсе таким же путешественником во времени, случайно провалившимся в так называемую хронодыру. Лжедмитрий, по версии «Детской книги», — это пионер Юрий Отрепьев, ученик 5 класса, попавший в XVI столетие из 1967 года и уже в прошлом повзрослевший и возмужавший (в ходе разговора с Ластиком Отрепьев сообщает, что попал в 1592 год и тринадцать лет рос, приняв монашество, поддержал легенду о том, что он — пропавший и чудом спасшийся сын Ивана Грозного).

Лжедмитрий описан как живой, веселый и озорной юноша, с пытливым умом, интересующийся изобретениями, увлекающийся техническими новинками и стремящийся преобразовать средневековую Русь в прогрессивное государство. Это роднит его с другими «ненастоящими царями» фандоринского корпуса — Освободителем Александром II, автором Манифеста 17 октября 1905 Николаем II.

Лжедмитрий оказывается неравнодушен и к женщинам (что подчеркивается также в образах Александра II и Николая II) — его безумная любовь к Марине Мнишек в итоге усыпляет его бдительность, и в результате заговора он погибает, а Ластик успевает в последний момент прыгнуть в хронодыру, ведущую в будущее, и не застает момента, когда царем после Лжедмитрия становится Василий Шуйский. При этом Шуйский подробно описан в книге — именно к нему привозят найденного на кладбище Ластика, и в нем как раз подчеркиваются «традиционно царские» черты — величавость, медлительность, степенность:

В кресле сидел дядька с длиннющей, наполовину седой бородой. Голова у него была прикрыта облегающей черной шапочкой, выпирающее брюхо высоко, под самой грудью, перехвачено широким парчовым поясом. Прочие детали одежды Ластик толком не разглядел — так его поразило лицо князя.

Левая бровь была опущена совсем низко, так что под ней сгустилась тень, а глаза не было вовсе, зато широко раскрытый правый блестел и посверкивал, будто зажженная лампочка. ... Но здесь князь опустил правую бровь, и глаз потух. Зато открылся левый. Правда, не сверкал, а был тускл и темен.

Выходит, оба глаза на месте?! [Акунин, 2020, с. 217].

В описании Н. М. Карамзина Василий Шуйский аттестован как «несановитый»: *Шуйский славился однако ж разумом мужа думного и сведениями книжными, столь удивительными для тогдашних суеверов, что его считали волхвом; с наружностью невыгодною (будучи роста малого, толст, несановит и лицом*

смугл; имея взор суровый, глаза красноватые и подслепые, рот широкий), даже с качествами вообще нелюбезными, с холодным сердцем и чрезмерною скупостию, умел, как Вельможа, снискать любовь граждан честною жизнью, ревностным наблюдением старых обычаев, доступностию, ласковым обхождением [Карамзин, 2015]. Парадоксальным образом из всех анализируемых персонажей-царей, именно он в фандоринском корпусе представлен как наиболее царственный — хотя формально царем становится уже за пределами хронологических рамок текста. Эраст Фандорин-младший с уважением отзывается о его уме и изворотливости, хотя и возмущен хитростями Василия Ивановича и его скверным характером. Любовь к Эрасту-младшему дочери Шуйского Соломонии (Соломки) также могла бы привести к воцарению Фандорина на русском престоле: Шуйский не имеет сыновей, и в дочери видит свою потенциальную наследницу.

4. Заключение

Образ царя, правителя, самодержца в «фандоринском корпусе» является противоречивым и двояким: существует две его части, своеобразные Ян и Инь, которые, как многократно отмечается в текстах, должны дополнять и уравновешивать друг друга.

С одной стороны, в текстах с учетом «Детской книги» выведены четыре человека, действительно в течение определенного периода возглавлявшие Русь и Россию — это Александр II, Николай II, Борис Годунов и Лжедмитрий. Все эти образы представлены как подчеркнуто «не-царственные», описание их внешности физиологично (подчеркиваются похотливый взгляд, набрякшие веки, жирные пальцы, некрасивое лицо и пр.). В их образах отмечаются склонность к женщинам (у всех, кроме Бориса Годунова, который действует в «Детской книге» только в одном эпизоде), слабость, жалкость. За рамками текста остается тот факт, что все эти правители старались вести страну к прогрессу, вводили многочисленные послабления, старались улучшить жизнь народа. Все они при этом погибли насильственной смертью, и после их гибели к власти пришли более жестокие по сравнению с предшественниками люди: при Александре III началась реакция, правление Николая II сменилось военным коммунизмом и кровавым террором, а Василий Шуйский отменил все новшества, введенные Лжедмитрием).

Образ «царя явного, но нецарственного» оттенен его отражением, Инь — образом «царя неявного, но царственного». В этой функции в фандоринском корпусе фигурирует «значимое отсутствие» Александра III — при многочисленных упоминаниях о предстоящем визите Императора, его указах, отражении его воли и пр. — сам Император на страницах так и не появляется. Это, впрочем, никак не отменяет крепости и силы его власти: из разговоров между персонажами явствует, что Императора бояться, его воле беспрекословно подчиняются, что он действительно производит вполне царственное впечатление.

Попадая в Смутное время, Эраст Фандорин-младший оказывается в той эпохе, когда вопрос о настоящем / ненастоящем царе был особенно актуален: после смерти Ивана Грозного многочисленные претенденты на престол пытались оспорить право на власть. Одним из претендентов был Василий Шуйский, также относящийся к дина-

стии Рюриковичей, о чем упоминает в романе сам Шуйский: «А только знай, потомок достославного Рюрика: Васька Шуйский, тож Рюрикович, ради тебя не то что живота не пожалеет — готов душу свою продать» [Акунин, 2020, с. 304]. В пределах текста претендующий на престол Шуйский царем не становится: о его воцарении и последующем пленении становится известно из исторической справки, приведенной в романе. Однако именно в нем, формально не управляющем страной в хронологических пределах текста, подчеркивается и величавость, и степенность, и государственный ум.

В приведенных сопоставлениях, вероятнее всего, автором зашифровано своего рода послание к читателю, которое можно расшифровать приблизительно следующим образом: настоящего царя в России во «вселенной Фандорина» нет. Есть слабые и недостойные самодержцы, занимающие царский престол, но не способные управлять, а также есть цари, отличающиеся и царским достоинством, и царской статью, но не выведенные в качестве правителей на страницах текстов. Истинным лидером страны мог бы стать ее таинственный спаситель, расследовавший десятки громких дел, совмещающий в себе достоинство и привлекательную внешность со стремлением к прогрессу и техническим новинкам, — то есть Фандорин. Однако Фандорин предпочитает оставаться в тени, а его потомок Ластик дважды отказывается от престола — он не становится ни чудесно воскресшим царевичем Дмитрием, ни супругом дочери Шуйского, осуществляя такой же благородный отказ от власти и уход в тень, как его тезка и прадед.

В то же время в рамках текстов Акунина Фандорин не становится лидером и многократно отказывается от каких-либо почестей, наград и должностей, что также отражает глубинное понимание образа царя в русском сознании: как доказывают исследования зарождения и формирования образа царя [Цицинов и др., 2019, с. 166—167; Шуйская и др., 2015, с. 182—188], ключевым моментом для признания лидерства становится именно «богопомазанничество», данность власти Богом: существующий в народном сознании архетип «добротого царя и злых бояр» формирует архетип царя-Бога, борющегося со злом. При этом многократно в русской истории обострялся вопрос о законности престолонаследия и легитимности передачи власти правителю, что также нашло свое отражение в сквозном циклообразующем образе царя-правителя в фандоринском корпусе.

Источники

1. Акунин Б. Детская книга для мальчиков / Б. Акунин. — Москва : АСТ, 2020. — 509 с.
2. Акунин Б. Коронация, или последний из романов / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2006. — 448 с.
3. Акунин Б. Куда ж нам плыть? / Б. Акунин // Планета вода. — Москва : Захаров, 2019. — С. 361—414.
4. Акунин Б. Турецкий гамбит / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2005. — 274 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н. Русско-японский сыщик [Электронный ресурс] / Н. Алексеев // Иностранец. — 2000. — № 5. — Режим доступа: http://www.inostranets.ru/archive/2000/0209_5/ (дата обращения: 21.11.2020).

2. Бобкова Н. Г. Функции постмодернистского дискурса в детективных романах Бориса Акунина о Фандорине и Пелагии : диссертация ... кандидата филологических наук / Н. Г. Бобкова. — Улан-Удэ, 2010. — 189 с. —
3. *Весь мир театр? Весь мир — литература!* : Б. Акунин глазами заинтересованных читателей / редактор А. Г. Головачева. — Москва : Буки Веди, 2016. — 134 с.
4. Волкова Н. Литературная стратегия рубежа XX—XXI веков: вариант Б. Акунина : диссертация ... кандидата филологических наук / Н. Волкова. — Прага, 2007. — 234 с.
5. Герейханова К. Ф. «Конандойловский» след в «Нефритовых четках» Б. Акунина : стилистические рецепции оригинала и русских переводов / К. Ф. Герейханова // Культура и цивилизация. — 2017. — Т. 7, № 4А. — С. 182—189.
6. Зимин И. В. Взрослый мир императорских резиденций: вторая четверть XIX — начало XX в. : повседневная жизнь Российского императорского двора / И. В. Зимин. — Москва : Центрполиграф, 2013. — 730 с.
7. Казачкова А. В. Жанровая стратегия детективных романов Бориса Акунина 1990 — начала 2000-х гг. : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / А. В. Казачкова. — Нижний Новгород, 2015. — 23 с.
8. Карамзин Н. М. История государства Российского [Электронный ресурс] / Н. М. Карамзин. — Режим доступа: <http://www.spsl.nsc.ru/history/karam/karahist.htm> (дата обращения: 25.11.2020).
9. Кириленко Н. Н. Жанровый инвариант и генезис классического детектива : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Н. Н. Кириленко. — Москва, 2016. — 28 с.
10. Снигирева Т. А. Борис Акунин и его игровой мир : монография / Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов, А. В. Снигирев. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2017. — 178 с.
11. Цицинов А. Ю. Традиции построения протоимиджа «царя» на примере текстов о военных походах Смутного времени / А. Ю. Цицинов, Ю. В. Шуйская // Вестник Образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: гуманитарные науки. — 2019. — № 4. — С. 166—167.
12. Шуйская Ю. В. Концепт 'царь' в иерархии традиционной картины мира носителя русского языка / Ю. В. Шуйская, А. И. Вьюгов // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. — 2015. — № 3. — С. 182—188.

CROSS-CUTTING IMAGES AS CYCLO-FORMING FOUNDATIONS OF THE “FANDORIN CORPS”: CONCEPT OF A RULER

© Artem B. Borunov (2020), orcid.org/0000-0003-2507-7218, PhD in Philology, Lecturer, Department of English Language Teaching and Business Communication, Moscow City University (Moscow, Russia), borunov.artem@yandex.ru.

The image of the tsar is considered as a through cycle-forming one in the Fandorin corpus of Boris Akunin. The results of a comparative analysis of the images of three emperors, with the reign of which Fandorin's activity chronologically coincides, is presented in the article. The author dwells on the comparison of the images of emperors with the images of tsars in the “Children's Book for Boys” and the images of revolutionaries, future leaders of Soviet Russia, in the story “Where Should We Go?”. Particular attention is paid to the emphasized inconsistency: the rulers deduced in the texts are by no means regal, their appearance and manners are described in a repulsive manner, and humiliating comparisons are used. The question is raised about the opposition of such an interpretation of the image of the king to an alternative version: a significant absence of the king as a character

or a description of a person who is only destined to become a king in the future. The novelty of the research is seen in the fact that the author singles out cyclo-forming motives and their disclosure in texts about Erast Fandorin, attracting not only samples of the detective genre, but also companion texts. The relevance of the study is due to a comprehensive analysis of the vast body of texts and the selection of cross-cutting archetypal images.

Key words: Akunin; cycle; archetype; cycle-forming motives; the image of the king; ruler archetype.

MATERIAL RESOURCES

- Akunin, B. (2005). *Turetskiy gambit* [Turkish gambit]. Moskva: Zakharov. 274 p. (In Russ.).
- Akunin, B. (2006). *Koronatsiya, ili posledniy iz romanov* [Coronation, or the last of the novels]. Moskva: Zakharov. 448 p. (In Russ.).
- Akunin, B. (2019). Kuda zh nam plyt'? [Where should we sail] In: *Planeta voda*. [Planet water]. Moskva: Zakharov. 361—414. (In Russ.).
- Akunin, B. (2020). *Detskaya kniga dlya malchikov* [Children's book for boys]. Moskva: AST. 509 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Alekseev, N. (2000). Russko-yaponskiy syshchik [Russian-Japanese detective]. *Inostranets* [Foreigner], 5. Available at: http://www.inostranets.ru/archive/2000/0209_5/ (accessed 21.11.2020). (In Russ.).
- Bobkova, N. G. (2010). *Funktsii postmodernistskogo diskursa v detektivnykh romanakh Borisa Akunina o Fandorine i Pelagii*. PhD Diss [Functions of postmodern discourse in detective novels by Boris Akunin about Fandorin and Pelagia. PhD Diss]: Ulan-Ude. 189 p. (In Russ.).
- Gereykanova, K. F. (2017). «Konandoylovskiy» sled v «Nefritovykh chetkakh» B. Akunina: stilisticheskiye retseptsii originala i russkikh perevodov [“Konandoilovsky” trace in B. Akunin’s “Jade rosary”: stylistic reception of the original and Russian translations]. *Kultura i tsivilizatsiya* [Culture and civilization], 7/(4A). 182—189. (In Russ.).
- Golovacheva, A. G. (ed.). (2016). *Ves' mir teatr? Ves' mir — literatura! B. Akunin glazami zainteresovannykh chitateley* [Is the whole world a theater? The whole world is literature!: B. Akunin through the eyes of interested readers]. Moskva: Buki Vedi. 134 p. (In Russ.).
- Karamzin, N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russia]. Available at: <http://www.spsl.nsc.ru/history/karam/karahist.htm> (accessed 25.11.2020). (In Russ.).
- Kazachkova, A. V. (2015). *Zhanrovaya strategiya detektivnykh romanov Borisa Akunina 1990 — nachala 2000-kh gg.*: author's abstract of PhD. Diss [Genre strategy of detective novels by Boris Akunin 1990 — early 2000s.: author's abstract of PhD. Diss]. Nizhniy Novgorod. 23 p. (In Russ.).
- Kirilenko, N. N. (2016). *Zhanrovyy invariant i genezis klassicheskogo detektiva*: author's abstract of PhD. Diss [Genre invariant and genesis of the classic detective: author's abstract of PhD. Diss]. Moskva. 28 p. (In Russ.).
- Shuyskaya, Yu. V., Vyugov A. I. (2015). Kontsept ‘tsar’ v ierarkhii traditsionnoy kartiny mira nositelya russkogo yazyka [Concept ‘tsar’ in the hierarchy of the traditional worldview of a native speaker of the Russian language]. *Vestnik TvGU. Seriya: Filologiya* [Bulletin of TVGU. Series: Philology], 3: 182—188. (In Russ.).
- Snigireva, T. A., Podchinenov, A. V., Snigirev, A. V. (2017). *Boris Akunin i ego igrovoy mir: monografiya* [Boris Akunin and his game world: monograph]. Sankt-Peterburg: Aleteyya. 178 p. (In Russ.).

- Tsitsinov, A. Yu., Shuyskaya, Yu. V. (2019). Traditsii postroeniya protoimidzha «tsarya» na primere tekstov o voennykh pokhodakh Smutnogo vremeni [Traditions of building a proto-image of the “king” on the example of texts about military campaigns of the Time of Troubles]. *Vestnik Obrazovatel'nogo konsortsiuma Srednerusskiy universitet. Seriya: gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Educational Consortium Central Russian University. Series: Humanities], 4: 166—167. (In Russ.).
- Volkova, N. (2007). *Literaturnaya strategiya rubezha XX—XXI vekov: variant B. Akunina*. PhD Diss [Literary strategy at the turn of the XX—XXI centuries: B. Akunin's version. PhD Diss]. Praga. 234 p. (In Russ.).
- Zimin, I. V. (2013). *Vzroslyy mir imperatorskikh rezidentsiy: vtoraya chetvert' XIX — nachalo XX v.: povsednevnyaya zhizn' Rossiyskogo imperatorskogo dvora* [The adult world of the imperial residences: the second quarter of the XIX — early XX century: everyday life of the Russian imperial court]. Moskva: Tsentrpoligraf. 730 p. (In Russ.).